

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.159.25>**ТИПЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВОФОРМ «МАКСИМУМ» И «МИНИМУМ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, НАРЕЧИЙ, ЧАСТИЦ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ-АНАЛИТОВ**

Научная статья

Шигуров В.В.^{1,*}, Шигурова Т.А.²¹ ORCID : 0000-0002-4898-6484;² ORCID : 0000-0001-5342-8471;^{1,2} Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (shigurov[at]mail.ru)

Аннотация

Актуальность работы обосновывается необходимостью комплексного анализа механизма ступенчатой транспозиции языковых единиц из класса существительных в разные подклассы адвербиальной лексики. В рамках статьи авторы обращаются к исследованию функциональной адвербиализации субстантивных словоформ «минимум» и «максимум», протекающий в пределах семантической зоны исходных лексем. Проблема исследования заключается в недостаточной степени изученности особенностей взаимодействия семантического и грамматического в структуре существительных, подвергающихся транспозиции в количественные наречия. Цель — установить включенность словоформ «минимум» и «максимум» в несколько транспозиционных процессов на уровне частей речи; сопоставить процессы их адвербиализации, партикуляции и адъективации. В ходе исследования авторы приходят к выводу, что в определенных типовых контекстах указанные субстантивные словоформы функционально сближаются не только с наречиями меры и степени, но и с определительно-уточняющими частицами вроде «точно», «ровно», «примерно», а при функционировании в качестве приложения — с прилагательными. В работе используется многомерный комплексный структурно-семантический анализ, сочетание теоретических выводов с анализом конкретных случаев употребления словоформ, которые утрачивают признаки исходного субстантивного класса и приобретают признаков класса наречий. Использовался метод оппозиционного анализа, позволяющий моделировать основные этапы адвербиализации существительных, а также элементы дистрибутивного, трансформационного и компонентного анализа, лингвистический эксперимент. Полученные выводы могут быть использованы в исследовании общей проблемы функциональной транспозиции и синкретизма, в практике преподавания грамматики в высшей и средней школе.

Ключевые слова: русский язык, грамматика, существительное, собственно грамматическая адвербиализация, этапы транспозиции, зона синкретизма.

TYPES OF USE OF 'MAXIMUM' AND 'MINIMUM' WORD FORMS IN RUSSIAN: STUDY OF THE MECHANISM OF INTERACTION OF NOUNS, ADVERBS, PARTICLES AND ANALYT ADJECTIVES

Research article

Shigurov V.V.^{1,*}, Shigurova T.A.²¹ ORCID : 0000-0002-4898-6484;² ORCID : 0000-0001-5342-8471;^{1,2} National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

* Corresponding author (shigurov[at]mail.ru)

Abstract

The relevance of the work is substantiated by the need for a comprehensive analysis of the mechanism of stepwise transposition of linguistic units from the class of nouns to different subclasses of adverbial vocabulary. Within the framework of the article, the authors turn to the research of functional adverbialisation of substantive word-forms 'minimum' and 'maximum', proceeding within the semantic zone of the original lexemes. The problem of the research lies in the insufficient degree of studying the specifics of interaction between semantic and grammatical in the structure of nouns undergoing transposition into quantitative adverbs. The aim is to establish the inclusion of the word forms 'minimum' and 'maximum' in several transpositional processes at the level of parts of speech; to compare the processes of their adverbialisation, partialisation and adjectivisation. In the course of the study, the authors come to the conclusion that in certain typical contexts these substantive word forms functionally converge not only with adverbs of measure and degree, but also with determinative-accurate particles like 'exactly', "evenly", 'approximately', and when functioning as an appendix — with adjectives. The paper uses multidimensional complex structural-semantic analysis, combining theoretical conclusions with the analysis of specific cases of word forms which lose the features of the original substantive class and acquire the features of the adverbial class. The method of oppositional analysis was used, which allows to model the main stages of adverbialisation of nouns, as well as elements of distributive, transformational and component analysis, and linguistic experiment. The obtained conclusions can be used in the research of the general problem of functional transposition and syncretism, in the practice of teaching grammar in higher and secondary schools.

Keywords: Russian, grammar, noun, proper grammatical adverbialisation, stages of transposition, zone of syncretism.

Введение

Теоретическую базу работы представляют исследования российских и зарубежных ученых по проблеме переходности [6], [11], транспозиции [1], [7], [19, С. 3–9], [22, С. 13–26], трансляции [16], деривация [9, С. 57–71], [17, С. 25–38], конверсии [10]. Использовались наблюдения и выводы о разных стадиях межкатегориальной транспозиции языковых единиц, наблюдающейся как в рамках исходных лексем, так и за их пределами [20, С. 152–158], [21], [23, С. 177–191]. Актуальность исследования определяется необходимостью выявления, во-первых, разных степеней транспозиции беспредложных форм именительного, родительного и винительного падежей существительных в количественные наречия (*страх, страсть, смерть; капельку, крошечку, чуточку; малость* и т.п.), темпоральные наречия (*век, год, месяц* и нек. др.), локальные наречия (*дома*), а во-вторых, случаев пересечения нескольких транспозиционных процессов – адвербиализации и интеръективации (*Ужас!; Страх!* и т.п.), адвербиализации и прономинализации (*чуточку ягод; крошечку терпения* и т.п.), адвербиализации и модалагии (*правда, факт, право*). Степень адвербиализации беспредложных падежей существительных далеко не одинакова:

– пределом адвербиальной транспозиции для словоформы *дома* является зона ядерных наречий (*Остановились около какого-то заброшенного дома --> Дома никого не было*);

– для словоформы *чуточку* — зона периферийных, собственно грамматических наречий (*Решили засолить самую чуточку огурцов --> Чувствовала она себя чуточку виноватой*);

– для словоформ *капельку, крошечку* — зона ядерных наречий (*Капельку воды нанесли на зеркальный кружок --> Она капельку подумала и ответила*);

– *Птица заметила крошечку хлеба --> Сестре стало крошечку стыдно за свое поведение*);

– для словоформ *год, месяц* — зона периферии существительных (*Этот год был для всех очень сложным --> Мы не виделись год*), а для словоформы *век* — зона периферийных наречий (*Начался XXI век --> Мы, наверное, век не виделись с тобой*) и ядерных наречий (*Век не забуду, как ты мне помог в трудную минуту*).

Новизна данной работы состоит в том, что в ней исследован ступенчатый характер транспозиции словоформ *минимум, максимум* в количественные наречия; показано их функциональное сближение с частицами и аналитическими прилагательными.

Материалом исследования послужили типовые контексты употребления субстантивных словоформ, в разной степени подверженные адвербиализации из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) [12], а также собственные примеры авторов статьи. Объект исследования — субстантивные словоформы *минимум* и *максимум* и возникшие на их основе отсубстантивные наречия, предмет рассмотрения — зона периферии наречий, эксплицированная адвербиальными образованиями, не нарушающими смыслового тождества слова.

Решение теоретических и практических задач осуществлялось с использованием комплексного структурно-семантического метода, метод оппозиционного анализа, элементов дистрибутивного, трансформационного и компонентного анализа, лингвистического эксперимента.

Основные результаты и обсуждение

Исследование этапов, признаков и предела функциональной транспозиции существительных *минимум* и *максимум* в подкласс наречий меры и степени свидетельствует о том, что этот тип транспозиции языковых единиц имеет градуальный характер. Данный вывод подтверждается фактами ступенчатой адвербиализации словоформ «минимум» и «максимум». Рассматриваемую транспозицию можно представить в виде следующих ступеней на шкале переходности:

1. Степень ядерных существительных, в полном объеме сохраняющих свойства исходной части речи:

(1) Для подтверждения фактов потребуется **максимум** информации (что?).

2. Степень гибридных, субстантивно-адвербиальных образований, совмещающих примерно в равной пропорции признаки существительных и наречий:

(2) При эксплуатации тела в режиме невежества, человек пытается просто выжать из него **максимум** чувственных **наслаждений**, не думая о своем высшем предназначении (Форум: О реинкарнации 2012.08) [12] (выжать что и сколько?).

3. Степень периферийных наречий, сформировавшихся в результате собственно грамматического типа адвербиализации существительных:

(3) Взгляните на Дом лосося (*Maison du Saumon*), не пропустите лестницу королевы Берты (*Escalier de la Reine Berthe*) и не беспокойтесь, что устанете, — на это уйдет **максимум три четверти** часа, все рядом (А. Тарханов, А. Асланянц, Д. Бегляров. Париж, 2015 г.) [12] (как долго?).

Установлено, что контекстов, которые демонстрировали бы зоны периферийных существительных и ядерных отсубстантивных наречий, указанные словоформы, не представляют. Это значит, что, во-первых, нет таких случаев употребления *минимум* и *максимум*, которые эксплицировали бы первый, собственно синтаксический этап адвербиализации, и, во-вторых, отсутствует этап адвербиализации, который характеризовался бы выходом указанных субстантивных словоформ за пределы семантической зоны исходных лексем.

В дальнейшем мы сосредоточим внимание на конечной стадии адвербиализации рассматриваемых единиц, связанной с периферийными наречиями.

Как показывает исследование, зона периферии наречий является пределом адвербиализации словоформ *максимум* и *минимум*. На этом этапе транспозиции располагаются собственно грамматические наречия типа *зимой, летом, утром, шепотом*: они функционируют в статусе грамматических омонимов существительных, т.е. в семантической зоне исходных лексем. Данной ступени адвербиализации соответствуют и контексты употребления собственно грамматических наречий *максимум* в значении ‘самое большее, максимально’ и *минимум* в значении ‘самое меньшее,

по меньшей мере' (см., напр., [15, С. 254]). Они употребляются чаще всего с количественно-именными словосочетаниями типа *двести рублей, три дня, два месяца*. Например: *Работа стоит минимум пять тысяч рублей. Еще нужно максимум три дня. Он придет минимум через два часа*. Встречаются эти наречия нередко при существительных, обозначающих определенный промежуток времени вроде *сутки, месяц, год*. Напр., *Для выполнения этой работы нужно максимум неделю* (≈ 'максимально, самое большее'); *Подождать придется минимум сутки* (≈ 'самое меньшее, по меньшей мере').

Приведем примеры из Национального корпуса русского языка:

(1) *При таком высоком покупательском ажиотаже запасов в наших дилерских центрах хватит максимум на неделю...* (А. Грамматчиков. Успеть по старым ценам // «Эксперт», 2015) [12].

(2) *Надо что-то делать, а делать мы сможем минимум через столетие, при условии, что сейчас нас оставят в покое* (М. Георгадзе. Рыбка плавает — назад не отдает (2006) // «Стороны света», 2010) [12].

В функциональном плане адвербиализованные словоформы *максимум* и *минимум* приближены не только к наречиям типа *максимально, минимально*, но и к определительно-уточняющим частицам типа *точно, ровно, примерно, приблизительно*, используемым для уточнения количества обозначаемых предметов. Ср.:

(3) *Нужно еще ровно (точно, примерно) пятьсот рублей (месяц, полгода)*.

(4) *Нужно максимум / минимум пятьсот рублей* (≈ 'самое большее / самое меньшее').

В схожих синтаксических условиях встречаются отадективные наречия *максимально, минимально*, синонимичные отсубстантивным наречиям *максимум* и *минимум*. Например:

(5) *Между тем даже если принять масштаб уменьшения численности населения, сложившийся в 2002 году с некоторым небольшим улучшением, то эта численность к 2025 году снизится максимально на 10%* (Российская экономика через четверть века // «Время МН», 2003.07.30) [12] (≈ 'максимум, самое большее').

(6) *Брюки должны быть достаточно длинными, чтобы покрывать ноги максимально до голеностопного сустава или минимально до точки, расположенной на 5 см выше его* (Министерство спорта Российской Федерации. «Правила вида спорта «дзюдо», утв. приказом Минспорта России от 06.02.2020 N 80, ред. от 04.10.2021) [12] (≈ 'минимум, самое меньшее').

Функциональное сближение словоформ *максимум* и *минимум* (два месяца) с наречиями *максимально / минимально* (два месяца) и определительно-уточняющими частицами вроде *ровно, примерно* (два месяца) дает основание утверждать, что существительные *максимум* и *минимум* вовлечены в русском языке в два транспозиционных процесса — адвербиализацию (доминирующий) и партикуляцию (сопутствующий). При этом оба этих процесса имеют сугубо грамматический характер, так как протекают в недрах семантической зоны исходных субстантивных лексем *максимум* и *минимум*.

В отличие от исходных существительных *максимум* в значении 'наибольшее количество предметов'; ср.: *максимум вещей* и *минимум* в значении 'наименьшее количество предметов; наименьшая величина в ряду других'; ср.: *минимум бумаг* (см., [4, С. 298]), возникшие на их базе наречия *максимум* со значением 'максимально, самое большее' и *минимум* со значением 'минимально, самое меньшее' не могут управлять беспредложной формой родительного падежа зависимого существительного; ср.: *Нужен максимум подарков* (сущ.) --> *Нужно максимум три подарка* (нареч.); *Нужен минимум документов* (сущ.) --> *Нужно минимум два подкрепляющих официальных документа* (нареч.). Наречия *максимум* и *минимум*, в отличие от омонимичных им существительных, не влияют на употребление падежных форм следующих за ними числительных. Ср. примеры из «Словаря трудностей русского языка» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой [13, С. 260, 277]: *Расстояние, равное максимум двумстам метрам [не равное максимум двести метров]*. Форма дательного падежа существительного в составе количественно-именного словосочетания *двумстам метрам* диктуется (управляется) прилагательным *равное*. Аналогично обстоит дело и с наречием *минимум*, наличие которого также не влияет на падежную форму следующего за ним числительного; ср.: *Довести температуру до минимум двадцати градусов [не до минимум двадцать градусов]*.

Функциональная транспозиция субстантивных словоформ *максимум* и *минимум* в разряд количественных наречий привела к утрате ими категорий рода, числа и падежа, падежно-числовых парадигм, членимости морфемной структуры на основу и флексию, функций подлежащего и дополнения, синтагматических связей исходных ядерных существительных с зависимыми словами (адъективные распространители, управляемый родительный падеж без предлога), оттеняющими субстанциальную природу словоформ *максимум* и *минимум*; принадлежности к подклассам нарицательных, неодушевленных и абстрактных существительных.

Результатом собственно грамматической транспозиции субстантивных словоформ *максимум* и *минимум* в подкласс количественных наречий является образование функциональных омонимов — существительных и наречий, зафиксированных, например, в «Словаре грамматических омонимов русского языка» О.М. Ким и И.Е. Островкиной [8, С. 315, 328]: «1. **Максимум**, сущ., м., им. / вин. *Максимум осадков выпадает в тундре обычно в июле или в августе. Приложить максимум усилий. Лепешинская рассказывала зрителям о своих героинях максимум возможного.* Солодовников. 2. **Максимум**. Нареч. Разг. — *Я вернусь через неделю, максимум через десять дней.* Метельский. *На дороге будет пустынно — максимум одна-две машины.* М. Юденич»; «1. **Минимум**, сущ., м., им. / вин. *Агрономический минимум. Технический минимум. Кандидатский минимум. Прожиточный минимум. Минимум ошибок. Минимум брака.* 2. **Минимум**, нареч. Разг. *Минимум пятеро, шестеро. Весной минимум три четверти озимого клена придется пересеивать под яровые.* Почивалин.».

В «Толковом словаре служебных частей речи русского языка» Т.Ф. Ефремовой [5, С. 274, 284] *максимум* со значением 'самое большее' и *минимум* в значении 'самое меньшее не меньше чего-л.' квалифицируются как качественно-количественные наречия, употребляемые в разговорной речи.

Следует также иметь в виду и функциональное сближение субстантивных словоформ *максимум* и *минимум* (три призовых места) не только с наречиями меры и степени типа *максимально, минимально* и с определительно-

уточняющими частицами вроде *примерно, ровно, точно* (в рамках процессов адвербиализации и партикуляции), но и с прилагательными — при употреблении *максимум* и *минимум* в функции приложения; ср.: *программа-максимум; задача-минимум*, что позволяет говорить в этом случае об их окачествлении, или, иными словами, о функциональной адъективации (*максимум* \approx *максимальный*; *минимум* \approx *минимальный*).

Указанные три типа употребления словоформ *максимум* и *минимум* — как существительных, наречий и прилагательных — фиксируются в рамках одной словарной статьи в «Большом академическом словаре русского языка» [2, С. 433], [3, С. 205–206]; ср.: «**МАКСИМУМ**, -а, м. 1. Наибольшее, предельное количество чего-л., наибольшая величина; высшая степень чего-л. (противоп. *минимум*)... *Получить максимум продукции. Максимум информации, объективности. Максимум энергии, инициативы, активности*... 2. В знач. нареч. Разг. Самое большее. *Я вернусь через неделю, максимум через десять дней*. Метельск. 3. В знач. неизм. прил. Разг. То же что максимальный (обычно в роли приложения)... *Программа-максимум*...»; «**МИНИМУМ**, -а, м. 1. Наименьшее количество чего-л.; наименьшая величина (противоп. *максимум*). Основными положениями плана были: ...участие минимума людей...; 2. Минимальная совокупность чего-л. необходимого. *Агротехнический минимум* // Совокупность знаний, обязательных для специалиста...; 3. В знач. нареч. Разг. По меньшей мере, самое меньшее; минимально. ...*Необходимо помещение минимум на триста человек*. Билль-Белоцерк. Шторм. 4. В знач. неизм. прил. То же, что минимальный. *Термометр-минимум; Программа-минимум*».

Отметим также различие в употреблении ядерных существительных *минимум* и *максимум* и возникших на их базе функциональных наречий *минимум* и *максимум* с разными падежами последующих существительных и числительных. Исследование показывает, что если первые могут быть с управляемыми формами родительного падежа зависимого существительного без предлога, то для вторых эта сочетаемость практически исключена: они используются с разными предложными и беспредложными формами падежей, не находящимися с ними в связи управления. Зависимые падежные или предложно-падежные формы существительных и числительных при информативно-недостаточных адвербиализованных и неадвербиализованных словоформах *минимум* и *максимум* выражают комплетивные (восполняющие) отношения (см., [14, С. 16–19], [18, С. 65]). Ср. контексты употребления отсубстантивных наречий *максимум* и *минимум* с разными падежами существительных и / или числительных:

(7) Именительный падеж числительного с зависимым существительным:

Взгляните на Дом лосося (Maison du Saumon), не пропустите лестницу королевы Берты (Escalier de la Reine Berthe) и не беспокойтесь, что устанете, – на это уйдет максимум три четверти часа, все рядом (А. Тарханов, Алексей Асланянц, Дмитрий Бегларов. Париж, 2015) [12]; *Я узнал сегодня, что для бейсджампинга надо прыгнуть минимум 200 прыжков с парашютом-крылом (купол не в счет)* (agd-ardin, Колочий друг. Переписка в ICQ, 08.02.2008); *Эля должна была минимум два раза в день отзваниваться и сообщать, что у нее все в порядке* (И. Левитас. На горах бальзамических // «Дальний Восток», 2019) [12].

(8) Родительный падеж существительного (с предлогами типа *до, для*):

Обычно время одного погружения 40–45 секунд, максимум до одной минуты (И. Вольский. Пропать им. Пантюхина: будет ли новый мировой рекорд?, 1994) [12]; *Это фактически максимум для афарских австралопитеков и близко к минимуму для зогоминин* (С. Дробышевский. Достающее звено. Книга 2. Люди, 2017) [12].

(9) Дательный падеж существительного:

А они, да и другие адвокаты, предупреждали меня, что я должна быть готова минимум к четырехлетнему пребыванию в тюрьме (Е. Скобцова (Кузьмина-Караваева). Как я была городским головой, 1925) [12]; *Моя книга включена в план 1967 года, и рукопись надо будет в исправленном виде сдать к первому ноября, максимум к первому декабря* (Б. Вронский. Дневник, 1966) [12].

(10) Винительный падеж существительного:

В то же время, согласно прогнозам на ближайшие 10–15 лет, реализация нефти и нефтепродуктов на рынке увеличится на 50–80%, максимум на 100% (Определить присутствие государства в экономике // «Время МН», 2003.08.07) [12]; *Максимум через три месяца, а то и раньше на нас — великопленные обновы* (Б. Окуджава. Искусство кройки и житья, 1985); *Сегодня сотни стартапов заявляют, что построят вам «интеллектуального бота за полчаса, максимум — за час»* (5 проблем, о которых никогда не расскажут поставщики «умных» чат-ботов для контакт-центров, 2019) [12]; *Реформаторы убеждены, что зарплаты их вырастут минимум на треть* (Г. Коренева. Голодный учитель-позор для России! // «Аргументы и факты», 2003.01.22) [12]; *Слалом должен содержать минимум одну и максимум три комбинации задерживающих ворот (бананов)* (Министерство спорта Российской Федерации. Правила вида спорта «горнолыжный спорт» (утв. приказом Минспорта России от 10.09.2021 N 696), 2021) [12].

(11) Творительный падеж существительного:

Если европейские постсоветские республики ... в начале 90-х столкнулись максимум с ростом преступности, то среднеазиатские страны оказались наедине с угрозой международного терроризма и религиозного экстремизма (Альтернативы — нет: история и перспективы ОДКБ (25.11.2016) // 2016) [12]; *Постепенно «охлаждается» и британский рынок недвижимости: в октябре дома подорожали лишь на 9% в годовом исчислении (минимум с января текущего года)* (П. Михальчук. Доллар вернулся к росту // «Эксперт», 2014) [12].

(12) Предложный падеж существительного:

На сей раз он торжественно обещал, что речь идет максимум о часе, ну... двух... (Д. Рубина. Медная шкатулка, 2011–2015) [12]; *По «газпромовским» подсчетам, речь идет минимум о 10 млн евро* (А. Лукьянов. Ржавая консервная банка // «Русский репортер», № 3 (33), 31 января – 7 февраля 2008) [12].

Иногда рассматриваемые наречия указывают на крайние границы (предел) количества, обозначаемого наречиями типа *вдвое, вдвое, дважды, втрое*; ср.:

(13) Если посадить штат чиновников еще и в тех населенных пунктах, где это положено по новому закону, расходы возрастут **минимум вдвое** (М. Рыбкина. Власть — поближе, деньги — подальше? // «Новороссийский рабочий», 2003.02.18) [12]; Рассматривая причины предательства Люшкова, отметим, что нужно как **минимум трижды** «созреть»: сначала до самой мысли о предательстве, затем дать ей вызреть в собственном сознании и укоренить ее, а затем уже и до фактического предательства дозреть (А. Филонов. Хасанская трагедия. Предательство Люшкова // «Дальний Восток», 2019) [12].

Как показывают наблюдения, наречия **максимум** и **минимум** употребляются чаще всего в ситуациях, предполагающих планирование каких-либо действий (мероприятий) и обозначения крайних границ (слева или справа) их длительности (*два часа, полчаса, трое суток, неделя, год* и т.п.) (времени), количества предполагаемых субъектов или объектов действия (*пять человек, отделение, компьютер, прибор* и т.п.) и др. При помощи наречий **максимум** и **минимум** производится оценка, например, количества времени, необходимого для осуществления какой-либо работы.

В конструкциях с **минимум** устанавливается минимум времени для какой-либо деятельности:

а) левая крайняя граница количества времени (длительности): Для производства экспертизы потребуется **минимум два дня** (≈ ‘самое меньшее два дня, но можно и больше’);

б) правая крайняя граница количества времени (длительности): Для лингвистического исследования нужно **максимум тридцать дней, т.е. месяц** (≈ ‘самое большее тридцать дней, месяц, но можно и меньше’). Наречия **максимум** и **минимум**, употребляемые в сочетании с количественно-именными словосочетаниями, определяют крайние временные границы (слева и справа) требуемой длительности действия.

Схожим образом производится исчисление крайних границ требуемых субъектов, объектов действия и т.п. Например: Для этой работы нужно минимум (самое меньшее) пять человек, максимум (самое большее) — десять. Кроме того, необходимо минимум три ноутбука, максимум — пять. Надо зарезервировать минимум две лаборатории, максимум — четыре отдельных кабинета.

Входя в подкласс определительно-количественных наречий, адвербиализаты **максимум** и **минимум** употребляются в синтаксической функции обстоятельства меры и степени. Значение меры и степени может быть идентифицировано у них при помощи вопросов «насколько?», «сколько?», «в какой степени?». См. типовые контексты:

(14) Когда мыло твердеет, его нарезают на бруски и выкладывают на просушку **минимум на 9 месяцев** (О. Волкова. Мало-помалу // «Огонек», 2016) [12] (насколько долго?).

(15) Вообще-то Коломнин с удовольствием улетел бы в тот же день — встреча с адвокатом должна была занять **максимум час** (С. Данилюк. Бизнес-класс, 2003) [12] (сколько?).

(16) Шерфуется кожа **минимум до** толщины 0,7-0,5 мм (Форум: Реставрация книг. Переплетное дело, 2010) [12] (в какой степени?).

При разграничении функциональных омонимов **минимум**, **максимум** как существительных и наречий необходимо учитывать такие признаки-критерии, как лексическое и частеречное значение, грамматические категории, формы, парадигмы, синтаксические функции и сочетаемость. На синтаксическом уровне транспозиция **минимум** и **максимум** в наречия проявляется в смене первичных субстантивных функций подлежащего и дополнения на адвербиальную функцию обстоятельства меры и степени. Перерождение в наречия сопровождается заменой исходного общеграмматического значения предметности значением вторичного признака. Так, субстантивы **максимум** и **минимум**, подвергшиеся адвербиализации, употребляются не в значении предмета, а в значении признака признака, ср.: Нужно сдать кандидатский **минимум** (что?) и Для выполнения работы нужно **минимум три дня** (как долго? сколько времени?).

Показателем адвербиализации рассматриваемых словоформ является и изменение их синтаксической дистрибуции: они теряют способность употребляться с согласуемыми и управляемыми словами; ср.: *изучить орфографический минимум школьников* --> *нужно минимум два дня*. Синтаксическая сочетаемость, благоприятствующая адвербиальной транспозиции, помогает выявить грамматические свойства языковых единиц более ярко. Например, адъективные слова (с флексиями *-ый, -ая, -ое*), используемые для связи с существительными, подчеркивают их предметную семантику и отражают соответствующие грамматические формы категорий рода, числа и падежа (Например: Для выполнения этой работы нужен **некий** минимум знаний). Напротив, при наличии синтаксической дистрибуции, которая благоприятствует транспозиции словоформ из одного класса в другой, грамматические категории проявляются слабо или вовсе исчезают; ср. отсутствие категорий и парадигм у адвербиализата **минимум** в следующем предложении: *Ждать придется еще минимум час* (≈ ‘по меньшей мере, самое меньшее, минимально’).

Процесс адвербиализации у словоформ **минимум**, **максимум** сопряжен также со сдвигами на уровне их морфологических характеристик и морфемной структуры: они утрачивают в зоне периферии наречий грамматические категории рода, числа и падежа, падежно числовые парадигмы, систему окончаний.

Происходит изменение и в сфере лексико-грамматических разрядов **минимум** и **максимум**. Как существительные, они относятся к подклассам нарицательных, неодушевленных и абстрактных (по семантике) / конкретных (по грамматическим свойствам; ср.: *минимум / минимумы; два минимума* и т.д.) слов. В статусе адвербиализованных словоформ они представляют уже адвербиальные разряды определительных наречий меры и степени.

Изменяется при адвербиализации и лексическая дистрибуция словоформ **максимум** и **минимум**. Например, в конструкциях *Результат надо улучшить минимум вдвое; Для завершения работы нужно еще минимум двое суток* и *Он сдал кандидатский минимум; Потребовался всего минимум знаний в этой области* слово **минимум** играет разные роли: в первом случае это наречие, указывающее на минимальную крайнюю границу длительности (времени), необходимой для осуществления действий («улучшить», «работа»), а во втором – существительное, обозначающее объект действия глагола «сдал» и субъект-носитель предикативного признака «потребовался». Различие между этими грамматическими омонимами можно определить уже по тому, как они используются: существительное «**минимум**»

возможно только с глаголами, которые управляют формой винительного падежа без предлога (например, «сдать») или с глаголами, прилагательными, открывающими «вакансии» для именительного падежа в функции подлежащего (например, «потребоваться», «нужен» т. п.).

Минимум и *максимум* следует признать наречиями, если у них, с одной стороны, нет признаков существительных, а именно частеречного значения предметности, грамматических категорий и форм рода, числа падежа, падежно-числовой парадигмы, системы окончаний, функций подлежащего и дополнения, адъективных и присубстантивных (управляемых) распространителей, разрядовых значений нарицательных, неодушевленных, абстрактно-конкретных существительных, управления или координации как способов связи с глаголами и прилагательными, а с другой — присутствуют адвербиальные признаки, такие как частеречная семантика признака признака, неизменяемость, функция обстоятельства (меры и степени), примыкание как способ присловной подчинительной связи с главными компонентами словосочетания.

Важно подчеркнуть, что выхода за пределы семантической зоны исходных лексем у существительных *минимум* и *максимум* при адвербиализации не происходит. Их транспозиция в наречия имеет исключительно грамматический (функциональный) характер, проявляясь в формировании особых, адвербиальных типов употребления. Ср. собственно субстантивный (17) и адвербиальный типы употребления словоформы *максимум* (18):

(17) Для подтверждения диагноза нам необходим **максимум** информации [М. Палей. Дань саламандре (2008)].

(18) Все модели представлены **максимум** в двух-трех экземплярах, так что встретить кого-то в такой же майке вам не грозит — по крайней мере, в Вене [Е. Деготь, Николай Клименюк, Нина Назарова. Вена (2008)].

Для сравнения укажем и адъективный тип употребления рассматриваемых словоформ, функционирующих в качестве приложения.

(19) **Программа максимум**: посадить осенью 4–5 яблонь, по возможности не двухлеток, а 5–7-леток [А. Твардовский. Рабочие тетради (1964) // «Знамя», 2000].

Заключение

Проведенное исследование показывает, что следствием собственно грамматической адвербиализации существительных *минимум* и *максимум* является образование периферийных (функциональных) наречий меры и степени, утративших категориальные признаки субстантивного класса слов, но остающихся в пределах семантической зоны исходных лексем и функционирующих как их особые, адвербиальные типы употребления. По отношению к соотносительным формам существительных они выступают в качестве грамматических омонимов. Им свойствен набор категориальных признаков количественных наречий (семантика признака признака, неизменяемость, первичная адвербиальная функция обстоятельства, примыкание как способ связи с главным компонентом словосочетания; лексико-грамматические признаки подклассов определительно-количественных наречий). Кроме того, *минимум* и *максимум* функционально сближаются также с определительно-уточняющими частицами типа *точно*, *ровно*, *примерно*, а будучи приложениями, и с прилагательными-аналитами.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка». Рук. В.В. Шигуров (один из авторов статьи), исполнитель Т.А. Шигурова (один из авторов статьи).

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Аминджанова Р.Х., Таджикский технический университет имени академика М. С. Осими, Худжанд Таджикистан

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.159.25.2>

Ашрапов Б.П., Худжандский государственный университет имени академика Бободжана Гафурова, Худжанд Таджикистан

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.159.25.1>

Funding

The study was financially supported by the Russian Science Foundation under the research project No. 24-28-00674 "Study of adverbialization as a type of stepwise transposition of substantive word forms in the system of parts of speech of the Russian language." supervisor V.V. Shigurov (one of the authors of the article), performer T.A. Shigurova (one of the authors of the article).

Conflict of Interest

None declared.

Review

Aminjonova R.H., Tajik Technical University named after academician M.S. Osimi, Khujand Tajikistan

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.159.25.2>

Ashrapov B.P., Khujand State University, Khujand Tajikistan
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.159.25.1>

Список литературы / References

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. — Москва : Изд-во иностранной литературы, 1955. — 416 с.
2. Большой академический словарь русского языка / Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. Т. 9. — Москва; Санкт-Петербург : Наука, 2007. — 659 с.
3. Большой академический словарь русского языка / Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. Т. 10. — Москва; Санкт-Петербург : Наука, 2008. — 573 с.

4. Большой толковый словарь русских существительных: идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. — 2-е изд., стер. — Москва : АСТ-Пресс КНИГА. — 864 с.
5. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка / Т.Ф. Ефремова. — Москва : Астрель, 2004. — 814 с.
6. Калечиц Е.П. Взаимодействие слов в системе частей речи: межкатегориальные связи / Е.П. Калечиц. — Свердловск : Изд-во Урал ун-та, 1990. — 160 с.
7. Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке / О.М. Ким. — Ташкент : Фан, 1978. — 228 с.
8. Ким О.М. Словарь грамматических омонимов русского языка / О.М. Ким, Е.И. Островкина. — Москва : Астрель; АСТ; Ермак, 2004. — 842 с.
9. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. — Москва, 1962. — С. 57–71.
10. Мельчук И. Русский язык в модели «Смысл < Текст» / И. Мельчук. — Москва : Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995. — 682 с.
11. Мигирин В.Н. Очерки по теории процессов переходности / В.Н. Мигирин. — Бельцы, 1971. — 199 с.
12. Национальный корпус русского языка [НКРЯ]. — 2025. — URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.05.2025).
13. Розенталь Д.Э. Словарь трудностей русского языка / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. — Москва : Русский язык, 1985. — 704 с.
14. Русская грамматика: в 2 т. — Москва : Наука, 1980. — Т. 2. — 709 с.
15. Словарь наречий и служебных слов русского языка / В.В. Бурцева, Н.М. Семенова. — Москва : Русский язык-Медиа, 2005. — 750 с.
16. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. — Москва : Прогресс, 1988. — 656 с.
17. Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. — 1996. — № 4. — С. 25–38.
18. Чикина Л.К. Присловные и предложенческие связи в русском синтаксисе / Л.К. Чикина, В.В. Шигуров. — Москва : Флинта; Наука, 2009. — 192 с.
19. Шигуров В.В. Транспозиция в системе частей речи как факт грамматики и словаря / В.В. Шигуров // Русский язык в контексте национальной культуры : материалы Международной научной конференции. — Саранск, 2010. — С. 3–9.
20. Шигуров В.В. Два вектора развития русского причастия в контексте предикативации и / или адъективации: семантика и грамматика / В.В. Шигуров // Научное обозрение: гуманитарные исследования. — 2012. — № 3. — С. 152–158.
21. Шигуров В.В. Теория транспозиционной грамматики русского языка: модалация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи / В.В. Шигуров. — Москва : НИЦ Инфра-М, 2025. — 1063 с.
22. Marchand H. Expansion, transposition and derivation / H. Marchand // La Linguistique. — 1967. — Vol. 3. — № 1. — P. 13–26.
23. Shigurov V.V. Core Modalates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language / V.V. Shigurov, T.A. Shigurova // Man in India. — 2017. — Vol. 97. — № 25. — P. 177–191.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Balli Sh. Obshchaya lingvistika i voprosi frantsuzskogo yazika [General linguistics and questions of the French language] / Sh. Balli. — Moscow : Izd-vo inostrannoi literaturi, 1955. — 416 p. [in Russian]
2. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka [Large Academic Dictionary of the Russian Language] / Russian Academy of Sciences; Institute of Linguistic Research. Vol. 9. — Moscow; St. Petersburg : Nauka, 2007. — 659 p. [in Russian]
3. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka [Large Academic Dictionary of the Russian Language] / Russian Academy of Sciences; Institute of Linguistic Research. Vol. 10. — Moscow; St. Petersburg : Nauka, 2008. — 573 p. [in Russian]
4. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkih sushchestvitel'nyh: ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy [Large explanatory dictionary of Russian nouns: ideographic description. Synonyms. Antonyms] / edited by L. G. Babenko. — 2nd ed., reprinted — Moscow : AST-Press KNIGA. — 864 p. [in Russian]
5. Yefremova T.F. Tolkovii slovar sluzhebnykh chastei rechi russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of Functional Parts of Speech of the Russian Language] / T.F. Yefremova. — Moscow : Astrel, 2004. — 814 p. [in Russian]
6. Kalechits Ye.P. Vzaimodeistvie slov v sisteme chastei rechi: mezhkategorialnie svyazi [Interaction of words in the system of parts of speech: intercategoryal connections] / Ye.P. Kalechits. — Sverdlovsk : Izd-vo Ural un-ta, 1990. — 160 p. [in Russian]
7. Kim O.M. Transpozitsiya na urovne chastei rechi i yavlenie omonimii v sovremennom russkom yazike [Transposition at the level of parts of speech and the phenomenon of homonymy in modern Russian] / O.M. Kim. — Tashkent : Fan, 1978. — 228 p. [in Russian]
8. Kim O.M. Slovar grammaticheskikh omonimov russkogo yazyka [Dictionary of grammatical homonyms of the Russian language] / O.M. Kim, Ye.I. Ostrovkina. — Moscow : Astrel; AST; Yermak, 2004. — 842 p. [in Russian]
9. Kurilovich E. Derivatsiya leksicheskaya i derivatsiya sintaksicheskaya [Lexical derivation and syntactic derivation] / E. Kurilovich // Ocherki po lingvistike [Essays on linguistics]. — Moscow, 1962. — P. 57–71. [in Russian]

10. Melchuk I. Russkii yazyk v modeli «Smisl < Tekst» [Russian language in the model "Meaning < Text"] / I. Melchuk. — Moscow : Shkola «Yaziki russkoi kulturi», Venskii slavisticheskii almanakh, 1995. — 682 p. [in Russian]
11. Migirin V.N. Ocherki po teorii protsessov perekhodnosti [Essays on the Theory of Transition Processes] / V.N. Migirin. — Beltsi, 1971. — 199 p. [in Russian]
12. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language] [NCRYA]. — 2025. — URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 10.05.2025). [in Russian]
13. Rozental D.E. Slovar trudnostei russkogo yazyka [Dictionary of difficulties of the Russian language] / D.E. Rozental, M.A. Telenkova. — Moscow : Russkii yazyk, 1985. — 704 p. [in Russian]
14. Russkaya grammatika [Russian grammar]: In 2 volumes. — Moscow : Nauka, 1980. — Vol. 2. — 709 p. [in Russian]
15. Slovar' narechij i sluzhebnih slov russkogo yazyka [Dictionary of adverbs and function words of the Russian language] / V.V. Burtseva, N.M. Semenova. — Moscow : Russian Language-Media, 2005. — 750 p. [in Russian]
16. Tener L. Osnovi strukturnogo sintaksisa [Basics of Structural Syntax] / L. Tener. — Moscow : Progress, 1988. — 656 p. [in Russian]
17. Urison Ye.V. Sintaksicheskaya derivatsiya i «naivnaya» kartina mira [Syntactic derivation and the "naive" picture of the world] / Ye.V. Urison // Voprosi yazikoznaniya [Questions of linguistics]. — 1996. — № 4. — P. 25–38. [in Russian]
18. Chikina L.K. Prislownie i predlozhencheskie svyazi v russkom sintaksise [Verbal and sentence connections in Russian syntax] / L.K. Chikina, V.V. Shigurov. — Moscow : Flinta; Nauka, 2009. — 192 p. [in Russian]
19. Shigurov V.V. Transpozitsiya v sisteme chastej rechi kak fakt grammatiki i slovary [Transposition in the system of parts of speech as a fact of grammar and vocabulary] / V.V. Shigurov // Russkij yazyk v kontekste nacional'noj kul'tury [Russian language in the context of national culture] : proceedings of the International Scientific Conference. — Saransk, 2010. — P. 3–9. [in Russian]
20. Shigurov V.V. Dva vektora razvitiya russkogo prichastiya v kontekste predikativatsii i / ili adektivatsii: semantika i grammatika [Two vectors of development of the Russian participle in the context of predicativization and/or adjectivization: semantics and grammar] / V.V. Shigurov // Nauchnoe obozrenie: gumanitarnie issledovaniya [Scientific Review: Humanitarian Studies]. — 2012. — № 3. — P. 152–158. [in Russian]
21. Shigurov V.V. Teoriya transpozitsionnoi grammatiki russkogo yazyka: modalyatsiya kak tip stupenchatoi transpozitsii yazikovikh yedinits v sisteme chastei rechi [Theory of transpositional grammar of the Russian language: modalation as a type of stepwise transposition of linguistic units in the system of parts of speech] / V.V. Shigurov. — Moscow : NITs Infra-M, 2025. — 1063 p. [in Russian]
22. Marchand H. Expansion, transposition and derivation / H. Marchand // La Linguistique. — 1967. — Vol. 3. — № 1. — P. 13–26.
23. Shigurov V.V. Core Modalates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language / V.V. Shigurov, T.A. Shigurova // Man in India. — 2017. — Vol. 97. — № 25. — P. 177–191.